

Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык...

И. С. Тургенев

В нашей многонациональной России, как ни в каком другом государстве мира, обилие разных культур. Посредством диалога на русском языке они образуют ту неповторимую и мощную единую отечественную культуру, которая является для каждого россиянина духовной поддержкой и опорой “во дни торжеств и бед народных”.

Проследивая историю художественных культур, например, народов Северного Кавказа, всё более убеждаешься в том, что на русский язык свыше возложена миссия объединять народы, способствовать их прозрению, укреплять братские отношения между ними и государствообразующей нацией России – русским народом. Если их культуры издревле подпитывались соками родной почвы, то вызревали и мужали они в лоне русского языка и выпорхнули из национальных гнёзд в большой мир, вписались в контекст общероссийской и мировой культуры опять же благодаря *правдивому и свободному русскому языку*.

В языковом, фольклорном наследии, материальных памятниках культуры, нравственно-этических воззрениях, например, чеченского народа, по мнению известных учёных России, слышны отзвуки великих культур Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Греции, Персии, средневековой Европы и России.

Труды выдающихся археологов Е. Крупнова, Р. Мунчаева, В. Марковина, В. Козенковой, М. Багаева, этнографов Б. Далгата, Я. Чеснова и других учёных убеждают нас в том, что длительный исторический процесс формирования у чеченцев ценностей и норм, верований и образов, знаний и умений, обычаев и языка, художественного мышления образовал огромный пласт

культуры, на котором позднее возникли её новые формы, запечатлевшие характеры эпох, поиски народом общенациональной идеи самосохранения.

К активному познанию и изучению художественного наследия чеченцев в последней трети XVII века обратились русские учёные, академики И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, а в начале XIX века — академик Г. Ю. Клапрот, многие российские и иностранные путешественники. Так началось включение духовного наследия чеченского народа в русский и мировой научный контекст.

Мифы и нартский эпос, волшебные и героические сказки, малые формы исторического эпоса, выдающаяся архитектура башенного строительства Средневековья, наскальные рисунки и надписи на башнях и склепах, жанр *илли*, сформировавшийся в XVI–XIX веках, арабоязычная литература — художественно-эстетическое наследие чеченского народа, накопленное им на протяжении многих веков. Но это художественное наследие формировалось не в тесных и замкнутых во времени и пространстве пределах, а в процессе интенсивных контактов с художественными системами Запада и Востока.

Благотворное воздействие гуманистической и демократической мысли русского народа, его языковых и культурных богатств на умы и образ жизни чеченцев и ингушей тянется вглубь веков. Так, лингвистические данные свидетельствуют о культурно-экономических контактах чеченского племени с Древней Русью. Ряд слов чеченского языка по форме совпадает с русскими или близок к ним. По мнению известных исследователей, Овлур, герой “Слова о полку Игореве”, — прообраз нынешних вайнахов. Начиная со “Слова о полку Игореве”, складывалась система взаимоотношений двух культур. В середине XVI века, во время царствования Иоанна IV Грозного начинаются мирные контакты чеченского племени с русскими людьми. Знакомство чеченцев с русской культурой происходило и по-другому. До начала кавказской колонизации и даже в период активных военных действий по разным причинам (кровная месть или нежелание принять мусульманство) чеченцы уходили к своим соседям русским и с течением времени становились казаками. Было и наоборот: к чеченцам бежали крепостные крестьяне, солдаты и казаки во время Кавказской войны. Они жили во многих чеченских аулах, “солдаты большей частью женаты были на чеченках, но есть (там) и русские женщины”. О складывавшихся тогда между чеченцами и русскими отношениях писал и Л. Н. Толстой в своей повести “Как казаки”: “Очень, очень давно предки их... бежали из России и поселились за Тереком между чеченцами на Гребне... Живя между чеченцами, казаки породнились с ними и усвоили себе обычаи, образ и нравы горцев; но удержали и там... русский язык... Ещё до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими...”

Л. Н. Толстой, русскими буквами записавший от своих друзей-чеченцев две чеченские песни, явился родоначальником взаимообогащения русской и чеченской художественных культур. В 1875 году он писал поэту А. А. Фету: “Читал я это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о кавказских горцах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев, и сокровища поэтические необычайные... Нет, нет — и перечитываю. Хотел послать Вам, но жалко расставаться”. Но послал, оказывается! Л. Н. Толстой послал своему другу изумительные образцы чеченской народной лирики. Вот ответ А. А. Фета, содержание которого и сегодня волнует нас своей философией:

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

*Как ястребу, который просидел
На жёрдочке суконной зиму в клетке,
Питаясь настрелянную птицей,
Весной охотник голубя несёт
С надломленным крылом — и, оглядев
Живую пищу, старый ловчий шурит
Зрачок прилежный, поджигает перья
И вдруг неожиданно, быстро, как стрела,
Вонзается в трепещущую жертву,
Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув*

*На воздух перья, с алчностью забытой
Рвёт и глотает трепетное мясо, —
Так бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьётся и кипит та кровь,
Что мы зовём поэзией. — Спасибо,
Полакомил ты старого ловца!*

Речь идёт о двух чеченских народных песнях — “Высохнет земля на могиле моей” и “Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой”, которые позже Л. Н. Толстой ввёл в повесть “Хаджи Мурат” (1896–1904).

Вспомним слова В. Г. Белинского: “Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был воспроизведён русскою поэзией, — и только в поэме Пушкина (“Кавказский пленник”. — **Х. Т.**) в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом, давно уже знакомым России по оружию”. И далее: “... С лёгкой руки Пушкина, Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странюю кипучей жизни и смелых мечтаний. Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее сходство России с этим краем... И Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина — сделался потом и колыбелью Лермонтова”.

Прототипами героев поэм “Измаил-Бей”, “Мцыри”, романа “Герой нашего времени” и других произведений М. Ю. Лермонтова, по мнению лермонтоведов, явились исторические лица из чеченцев. Эта версия правомерна, ибо в своих кавказских произведениях поэт говорил о своих близких отношениях с чеченцами.

*...Старик-чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.*

Или в поэме “Валерик” читаем:

*Галуб прервал моё мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому название?
Он отвечал мне: Валерик,
А перевесть на ваш язык,
Так будет “речка смерти”: верно,
Дано старинными людьми.
— А сколько их дралось примерно
Сегодня? — Тысяч до семи.
— А много горцы потеряли?
— Как знать? — Зачем вы не считали!
Да! будет, кто-то тут сказал,
Им в память этот день кровавый!
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.*

Поэтому мы с особой гордостью вчитываемся в смысл следующего признания М. Ю. Лермонтова: “Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в тайны азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас ещё мало понятны. Но поверь мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений”.

Десять лет спустя после гибели М. Ю. Лермонтова в Чечню приехал Л. Н. Толстой (30 мая 1851 года). Он сразу же окунулся в самую гущу жизни чеченцев и казаков, завёл среди них друзей. Размышления молодого Л. Н. Толстого о судьбах горцев и вообще о человеке, занятом “несправедливым и дурным делом — войной”, легли в основу кавказского цикла его творчества (“Набег. Рассказ волонтёра”, “Рубка леса. Рассказ юнкера”, “Из кавказских воспоминаний. Разжалованный”, “Записки маркёра”, “Записки о Кавказе. Поездка в Мамакай-Юрт”).

Показ демократизации взглядов русского офицера на войну, отрицание и осуждение войны через отношение к ней горцев и русских солдат, стремление выявить и показать лучшую сторону характера горца, его богатый духовный мир – такова вкратце концепция Толстого в его кавказских произведениях. И, конечно, прав был член-корреспондент АН СССР Ю. А. Жданов, который писал в начале 80-х годов XX века:

“Для передовой русской культуры встреча с народами Кавказа отнюдь не исчерпывалась впечатлениями этнографического, экзотического или романтического характера. Напротив, эта встреча оказала глубокое неизгладимое и плодотворное влияние на передовую общественную мысль России, содействовала постановке крупных теоретических проблем, стимулировала освободительное движение, обогатила интернациональные связи”.

До тесного соприкосновения и активного освоения великого идейно-эстетического и философского потенциала русской культуры горцы Северного Кавказа прошли сложный путь поисков письменных средств для самовыражения. Конечно, открытие мира и его осмысление у них произошло на родных языках. Но в наступившее Новое время, сообразуясь с требованиями меняющегося мира, для решения встающих перед ними социальных и политических вопросов обновляющейся действительности чеченцы начали вести интенсивные поиски письменных языковых средств.

До установления систематических дипломатических и культурно-экономических контактов с Россией чеченцы на определённом этапе пользовались грузинским языком. В “Истории Грузии” (т. 2, Тбилиси, 1973. С. 67) сказано: “В X веке грузинский язык получает распространение на Северном Кавказе”. В. Н. Гамрекели отмечает: “В конце XVIII века, когда шла миграция грузин на Северный Кавказ, в их культурной деятельности в Притеречье намечается несколько линий. Одна из них – культурно-просветительская деятельность среди горцев Кавказа”.

Но глубоких следов в художественной культуре горцев грузинский язык не оставил: на нём не были написаны ни летописи, ни семейно-родовые тептары (хроники рода и семьи), ни тем более литературные произведения. Функциональная роль грузинского языка во взаимосвязях грузин и горцев, живших, прежде всего, на границе с Грузией, сводилась к тому, чтобы пользоваться им для делового общения, а также для пропаганды грузинскими миссионерами идей христианства в горах Северного Кавказа.

Его активному распространению мешало то, что на Северном Кавказе происходило соперничество христианства и ислама. Решающее воздействие на результат противостояния двух религий оказали арабские походы на Кавказ, арабо-хазарские войны и татаро-монгольская экспансия.

В распространении арабского языка и литературы на Северном Кавказе академик И. Ю. Крачковский прослеживал две волны. “Первая, шедшая с ранними завоеваниями, неглубоко затрагивала местное население Закавказья, а вторая, медленно нарастающая с XVI века, постепенно создала в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкесии местную оригинальную литературу на арабском языке”.

Постоянные для XIX века “бурные дни Кавказа” не способствовали сложению в Чечне развитой арабоязычной художественной системы. Только в последней трети XIX века, после окончания Кавказской войны (1864) появились у чеченцев крупные арабисты-богословы, создававшие оригинальную литературу на арабском языке, сыгравшие выдающуюся роль в религиозно-нравственном воспитании народа. Они писали проповеди, наставления, разъясняли содержание Корана, создавали особый духовный климат. Религиозные песнопения, мовлиды, элегии о святых, принесших себя в жертву, утверждая исламскую религию, – все эти художественные формы религиозно-философского содержания углубляли в народе нравственные искания, прививали ему строгие морально-нравственные нормы, строили образ возвышенного человека, сумевшего подняться выше благ и соблазнов “бренного мира” и служить высокому и вечному – Аллаху, вере. В целом это была просветительская литература.

Её светское направление связано, прежде всего, с теми учёными-арабистами, кто тесно соприкасался с историей России и её языковой и художественной культурой. Так, при составлении П. К. Усларом в 1862 году “Чеченской грамматики” активную роль сыграли в качестве консультантов прапорщик

Кеды Досов и мулла Янгулбай Хасанов. В истории Чечни и России (40–70-е годы XIX века) яркий след оставил Атаби Атаев – руководитель национально-освободительного движения, один из образованнейших знатоков арабского языка, почётный пленник императора Александра II. В его поэтическом и эпистолярном наследии запечатлелись и новое, светское направление в арабоязычной литературе Чечни, и небывалая до него положительная трактовка образа России и её исторических личностей.

После окончания монголо-татарского владычества, рухнувшего под ударами усилившегося русского государства, и начала переселения горцев с гор на равнину в середине XVI века у чеченцев установились добрые соседские отношения с появляющимися по-над Терекком и Сунжей первыми казачьими поселениями. М. О. Косвен на множестве примеров доказал, что “беглые российские люди нашли на Терекке приют и дружбу у чечено-ингушских и других горских племён”. Из письменных источников известно, например, написанная на русском языке челобитная чеченского владетеля Ших-Мурзы Окуцкого, посланная царю Фёдору Иоанновичу, в которой Ших-Мурза говорит о том, что “и он, и отец его верою и правдой служили, и сейчас, если велишь где идти на службу, – и яз с теми своими слугами готов”.

Первым человеком, написавшим о Чечне и чеченцах серьёзную работу в 1859 году, был А. П. Берже. В предисловии к своему исследованию “Чечня и чеченцы” А. П. Берже писал: “Чеченцы хотят приобщиться к России и со временем занять место в ряду образованных народов. Замкнутые до того в неприступных горах и мрачных ущельях, они начали целыми аулами выселяться на плоскость, где скорее поймут выгоды мирной оседлой жизни, составляющей первую степень к гражданственности”.

“Нынешнее поколение горцев может учиться русскому языку не иначе, как в русских школах, которые устраиваются исключительно там, где живут русские люди. Уже одно это условие поставяет в необходимость устраивать школы закрытые, принимать учащихся на полное содержание правительства”, – столь откровенное заявление о необходимости обратить особое внимание на просвещение горских народов тогда впервые зазвучало из уст П. К. Услара – автора многих кавказоведческих и лингвистических трудов, посвящённых языкам этих народов. “Русский язык, сближение с русской жизнью, хотя бы даже только умственное, бесконечно важны для будущности Кавказа: подчиняясь таковым условиям, сделаем, что можно, а сделать можем мы весьма много”, – писал он в своей работе “Предположение об устройстве горских школ”.

А. П. Берже, П. К. Услар, И. А. Бартоломей и другие русские учёные усердно разъясняли читающей и мыслящей России, что просвещение горских народов имеет важное общественное значение для духовного сближения русского и горского народов. П. К. Услар писал тогда, что “мы и горцы как бы находимся на двух противоположных берегах реки, через которую нет переправы. К чести горцев должно сказать, что они не лишены любознательности. Учиться даже в зрелых летах не считается предосудительным”.

Без заинтересованного и действенного участия русских учёных в постановке и решении широкого спектра проблем национальной жизни той сложной эпохи немногочисленной горской образованной прослойке, пожалуй, было бы трудно сориентироваться в определении концептуальных приоритетов в своём творчестве. Притом, и это очень знаковое явление, активное участие русских учёных в осмыслении национальной жизни привело к демократизации формирующейся общественной и просветительской мысли на Северном Кавказе и её ускоренной интеграции в русский и общероссийский контекст.

Для этой высокой цели были предназначены такие актуальные не только для своего времени, но и по сей день не потерявшие научной значимости научно-популярные издания, как “Сборник сведений о кавказских горцах”, “Сборник для описания местностей и племён Кавказа” и др., а также периодическая печать на русском языке в Закавказье и на Северном Кавказе: газеты “Кавказ”, “Терские ведомости”, “Терский край” и др. На рубеже XIX и XX веков на Юге России издавалось такое множество газет, что одно их перечисление заняло бы слишком много места.

В национальных округах открывались начальные школы на русском языке для обучения детей горцев. Правда, их количество вовсе не удовлетворяло потребности всего населения. Взрослые горцы приобщались к русскому языку

и культуре в открытых для них в ряде городов Северного Кавказа воскресных школах. Для горских детей имелись вакансии в Ставропольской, Бакинской и Екатериноградской гимназиях, Тифлисской фельдшерской школе. В Ставропольской гимназии с 1850-го по 1887 год прошли обучение 7191 человек, в том числе 1739 горцев. Из стен этой гимназии вышли выдающиеся общественные деятели и просветители, учёные народов Северного Кавказа.

Даже эти весьма краткие сведения из истории позволяют уверенно говорить, что во второй половине XIX–начале XX веков северокавказские народы переживали в своём развитии ренессансный период. Он наступил, помимо всего прочего, ещё и потому, что в начале 60-х годов XIX века в России почти одновременно произошли два выдающихся события, круто изменившие судьбы её народов: окончание десятилетиями продолжавшейся Кавказской войны (1864) и появление Манифеста Александра II об освобождении крестьян (1861). Последовавшие затем реформы, значительно обновившие различные сферы жизни российских народов, прежде всего, реформа в области образования, и явились тем историческим рубежом, с которого начинается сближение в культурной и общественно-политической жизни России и народов Северного Кавказа и освоение ими русского языка.

Идейные поиски русских просветителей нашли живой отклик в умах и сердцах горских просветителей. Они, преломляя эти идеи через реальную, тяжёлую национальную действительность, рьяно взялись за составление букварей, собиравшие и публикацию фольклорных, историко-этнографических материалов, за литературное творчество.

Такое историческое стечение благоприятных обстоятельств привело к тому, что у народов Северного Кавказа ускоренными темпами начала формироваться на русском языке общественно-просветительская мысль и новые формы художественного сознания – письменная литература. В этом велика историческая роль России и русского языка.

Деятельность просветителей занимает особое место в культурном наследии чеченцев, так как является скачком от их фольклорного мышления к письменной литературе, от арабоязычной литературы к литературе просветительской, развивающейся на русском языке, поднимающей вопросы социального переустройства действительности.

Горские писатели взращены на культурной почве, подготовленной передовой мыслью России, но значение их подвига заключается в том, что они впервые обратились к актуальным вопросам национальной жизни, поставленным в повестку дня всем ходом истории и задачами современности (И. Ялгузидзе и Хан-Гирей, Султан Казы-Гирей, произведения которого “Долина Ажитугай” и “Персидский анекдот” А. С. Пушкин напечатал в 1836 году в первых номерах своего журнала “Современник”). Шора Ногмов в своём произведении “Черкесские предания” писал: “...Придёт время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство – светильник жизни – любовь к знаниям”, “недолго осталось до сего счастливого времени”.

По мере возрастания уровня художественного мышления в условиях развернувшейся просветительской работы начинает складываться, таким образом, художественная проза на русском языке, и концепция национальных просветителей воплощается в образах создаваемых ими произведений (“Записки черкеса”, рассказ “Абреки” адыгского просветителя 60–70-х годов XIX века Адиль-Гирей Кешева, “В осетинском ауле” осетинского просветителя 70-х годов XIX века Инала Канукова, рассказ “Лозы любви”, очерки “Дикло и Шанако”, “Картина Тушети”, “Записки о Тушети” тушина чеченского происхождения Ивана Цискарова, историко-этнографическое исследование “Чеченское племя” Умалата Лаудаева, очерки “Присяга у ингушей”, “Нравственные значения присяги у ингушей”, “Об ингушских женщинах” Чаха Ахриева, “Горское паломничество” Асланбека Базоркина и др).

После появления письменности на родных языках у народов Северного Кавказа в начале 20-х годов XX века, русский язык не был ими отодвинут на второй план: их художественные литературы развивались на двух языках – родном и русском, продолжая традиции просветителей предшествующих десятилетий.

Русский язык, образно говоря, стал родным братом национальным письменным языкам. Потому он заботится о них, обогащает их словарный состав, способствуя таким образом их дальнейшему развитию, предоставляет

национальному мышлению неведомые ему ранее языковые и стилистические формы для творческого самовыражения. Именно благодаря такой гуманной и интернационалистской миссии русского языка и русских писателей национальные литературы через каких-то десять лет после их зарождения вышли на российский уровень, поведав широкому читателю о богатстве и разнообразии своего духовного мира.

В СССР развивалось 77 литератур. Их постоянное взаимодействие в решении сложных задач сложной действительности происходило путём взаимобмена между ними посредством русского языка накопленными духовными ценностями.

Нельзя также забывать, что становление новописьменных литератур, особенно в 20–40-е годы XX века происходило при активной поддержке и постоянном участии в этом процессе русских писателей. Из истории советской многонациональной литературы хорошо известно, что на Северный Кавказ, в Среднюю Азию и другие регионы бывшего СССР постоянно выезжали бригады известных русских писателей и оказывали молодым авторам бескорыстную помощь в их творческом труде. Таково было это время – время высокого морального и духовного подъёма людей, глубоко осознававших, что они делают одно общее дело во имя процветания их общей страны. Классик чеченской литературы М. Мамакаев, ещё в юношеские годы сблизившись с выдающимися русскими писателями, учившийся у них мастерству художественного слова, на учредительском съезде Союза писателей РСФСР (1958) сказал: “В нас, писателях старшего поколения, всегда живёт чувство глубокой благодарности к тем русским писателям, которые оказывали нам неустанную помощь в наших первых творческих исканиях. Теперь мы выросли и значительно окрепли. . . Няньки нам теперь, правда, не нужны, но от дружеской руки своих братьев мы никогда не собирались и не собираемся отказываться”.

Русскоязычная литература национальных писателей. . . Не останавливаясь на спорах, которые вызваны творчеством писателей нерусского происхождения, пишущих на русском языке, скажу, что произведения киргиза Чингиза Айтматова, абхаза Фазиля Искандера, чукчи Юрия Рытхэу, осетинки Езетхан Ураймаговой, таджика Тимура Зульфикарова, казахов Олжаса Сулейменова, Ануара Алимжанова, Мурата Ауэзова, азербайджанца Чингиза Гусейнова, кабардинца Алима Кешокова, ингуша Идриса Базоркина, чеченца Саид-Бея Арсанова и многих других, писавших и пишущих на русском языке писателей, – великолепное доказательство исторической роли русского языка в раскрытии миру неисчерпаемой духовной энергии народов, разбуженных к жизни русской цивилизацией.

Другого такого феномена, когда язык и культура государствообразующей нации способны появляться языком и литературой этносов и этнических групп, становятся для них неисчерпаемым источником для формирования национальной идентичности, в мире нет. Русский язык, являясь языком переводов художественных произведений национальных писателей, пропуская их через свой живой организм, очищает от сопутствующего словесного шлама, поверхностных трактовок образов и обогащает за счёт своих неизмеримо глубоких эстетических возможностей. Поэтому мерилom роста мастерства национальных писателей, свидетельством признания его в литературном мире являются переводы его творений на русский язык.

Философия национального мировосприятия стала достоянием всесоюзного и мирового читателя только на позднем этапе истории национальных литератур – в 60–80-е годы XX века, то есть тогда, когда в своём формировании они достигли высокого уровня. В эти годы одухотворяющая и оберегающая роль русского языка в интеграции художественной системы народов России во всеобщую и мировую культуру была велика.

Сейчас, в условиях жестоких рыночных отношений и общественно-политических потрясений роль русского языка в судьбах национальных культур исподволь ослабевает. И это тревожит, ибо отсоединение национальных литератур от духовной пуповины русского языка непременно приведёт к их обеднению, а затем и к выпадению их из общероссийского и мирового контекста.